

Когда мужчина ушел, Линь Си наконец достал все медные монеты и пересчитал их.

Утром они принесли тридцать шесть паровых булочек, одну он съел сам. Осталось тридцать пять, по две монеты за штуку — выручили семьдесят монет!

Уложив вещи, Гао Мэнли бросила взгляд на Чжао Чэня, который у ворот ждал возвращения деревенских жителей. Она собрала свои пожитки, взяла Линь Си за руку и подошла к повозке.

— Вот четыре монеты за проезд в обе стороны, — сказала она. — Но нам нужно зайти в город за покупками, поэтому мы пока оставим вещи здесь.

Чжао Чэнь, увидев, как они приближаются, напрягся. Когда он заметил, что эта парочка торгует на рынке, его чуть удар не хватил — он был уверен, что скорее свинья на дерево залезет, чем они займутся делом! А тут они еще и сами предложили плату за проезд — он застыл, не веря своим ушам. Никогда бы не подумал, что доживет до дня, когда получит от них деньги.

Он машинально кивнул и, будто робот, принял монеты.

Гао Мэнли поставила пароварку, чугунный котел и ведро в повозку. Затем, закинув за спину заплечный короб, она потянула Линь Си за собой в город.

Уездный город в те времена был полон жизни. Гао Мэнли и Линь Си шли по шумным улицам, отовсюду доносились крики торговцев и гул толпы. Вдоль дорог тянулись ряды лавок: здесь торговали тканями, украшениями, всякой всячиной. Глядя на это оживление, Гао Мэнли почувствовала, что вот она — настоящая жизнь, место, где живут люди. А не вечная борьба с зомби, не замерзшее мясо и консервы из прошлого. Ей казалось, что если бы они задержались в том апокалипсисе еще на пару лет, то сами превратились бы в ходячих мертвецов.

Линь Си с любопытством оглядывался по сторонам, его глаза горели от восторга. Гао Мэнли крепко держала его за руку, осторожно маневрируя в толпе.

Расспрашивая прохожих, они наконец добрались до лавки с зерном.

Белая мука стоила двенадцать монет за цзинь, рис — пятнадцать. Гао Мэнли принялась считать в уме: у нее было девяносто монет, восемь ушло на извозчика, семьдесят они заработали — итого сто пятьдесят две.

— Хозяин, отмерьте десять цзиней белой муки и цзинь риса! — скомандовала она.

Была еще грубая мука по десять монет, а дробленый рис и черная мука стоили пять-шесть монет. Дробленый рис был вперемешку с отрубями, самого зерна там — кот наплакал. Но для Гао Мэнли это было неприемлемо: пусть она сама будет терпеть лишения, но мужа обделять не станет. Только качественный рис, а остальное в ее глазах и едой-то не считалось. Она уже совсем забыла, как в первый день после попадания они оба голодали так, что животы прилипали к спине. Но это было неважно. Главное — они начали зарабатывать. В рамках

своего скромного бюджета она хотела жить достойно. В прошлой жизни они с Линь Си вечно экономили, копили ресурсы, но так и не успели ими насладиться, как оказались здесь. Теперь, вспоминая это, она чувствовала досаду.

Деньги должны идти на пользу им самим, иначе это просто тяжелый труд ради чужого блага. Конечно, если бы у них были горы серебра, она бы не считала каждую копейку!

Услышав заказ, лавочник расплылся в улыбке:

— Сейчас, сейчас, сию минуту взвешу!

Он был очень рад таким покупателям и, ловко орудуя весами, быстро насыпал муку и рис в два мешочка, которые Гао Мэнли уложила в свой короб.

Линь Си отсчитал сто тридцать пять монет — в кармане осталось всего семнадцать.

Затем они заглянули в мясную лавку и купили полцзиня мяса с прожилками жира за девять монет. Лавочник не стал ворчать из-за малого веса, зато Линь Си и Гао Мэнли были разочарованы. Мясо стоило восемнадцать монет за цзинь, и даже если бы они не отложили деньги на обратную дорогу, им все равно не хватило бы на целый цзинь.

Гао Мэнли смерила взглядом этот крошечный кусочек и скривила губы.

— Если вытопить жир, от него же почти ничего не останется...

Линь Си, напротив, был доволен. Жизнь, конечно, тяжелая, но зато мир безопасный. А деньги они еще заработают — тогда и купят больше.

— Жена, сегодня перебьемся, а завтра заработаем еще монет и снова придем! — он ласково потянул ее за рукав.

Лавочник, глядя на них, почувствовал, как ему в рот будто насильно запихнули порцию собачьей еды — зрелище было донельзя приторным.

— Придется так и сделать, — вздохнула Гао Мэнли, нехотя разворачиваясь.

Завтра, обязательно завтра она снова придет за мясом.

Когда они вернулись к городским воротам, в повозке Чжао Чэня уже сидели три-четыре человека. Это были те самые люди, что утром выскочили из телеги. Идти пешком им было не под силу, а обещания Чжао Чэня об абсолютной безопасности придали им смелости. Однако они все еще помнили тот ужас, который внушала эта парочка. При виде «дурного предзнаменования» их сердца забились в горле, а руки вцепились в края повозки так, будто они были готовы в любой момент сорваться с места.

Не обращая внимания на испуганные взгляды, Гао Мэнли и Линь Си спокойно забрались в повозку и сели перед своим котлом.

Всю обратную дорогу никто в телеге даже дышать боялся. Все напряженно следили за парочкой: если те вдруг нападут, люди были готовы прыгать на ходу, даже рискуя переломать себе конечности — лишь бы не попасть под горячую руку. Они так нервничали, что даже глаза боялись сомкнуть.

К счастью, сегодня те вели себя тихо, просто сидели с закрытыми глазами и не удостоили остальных даже взглядом. Только тогда вся компания смогла выдохнуть, благополучно добравшись до деревни.

Да Ню, прикинув время возвращения, уже ждал их на въезде.

— Папа! Мама! — радостно замахал он руками, увидев повозку.

Попутчики и сам Чжао Чэнь были в шоке. Да Ню впервые улыбался, и эта улыбка предназначалась именно им. Неужели его так сильно били, что он повредился рассудком?

Повозка остановилась. Да Ню подбежал, поздоровался с пассажирами и, забрав у отца ведро, стал ждать, пока родители выйдут.

— Почему ты прибежал сюда? — Линь Си с нежностью потрепал сына по голове.

Да Ню широко улыбнулся:

— Я подумал, что дядя Чжао скоро вернется, и вы наверняка будете с ним. Вот и пришел помочь!

— Умница. Проголодался, наверное? Сейчас отец придет домой и приготовит тебе лапши!

Гао Мэнли взглянула на небо — уже был второй час дня, ребенок еще не обедал.

— М? Да! — Да Ню удивился. Обычно они ели дважды в день, утром и вечером. Но если отец хочет приготовить обед, он не откажется! Он уже понял: даже если отец просто делает стельки, получается невероятно хорошо.

Люди в повозке смотрели, как эта пара, держа сына за руки, направляется к окраине деревни. Сцена казалась чем-то немыслимым. Кто бы мог подумать, что эти двое могут быть такими ласковыми?

Они переглядывались, не понимая, что произошло. Исправившийся отец, одумавшаяся мать — если бы они не видели этого своими глазами, ни за что не поверили бы, решив, что кто-то просто хвастается. Но даже став свидетелями, они все равно сомневались. Неужели это какой-то новый коварный план?

Горбатого могила исправит — деревенские думали точно так же, как и старейшины рода Линь, подозревая, что эти двое снова замышляют какую-то гадость.

<http://bllate.org/book/20798/2089973>